

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 6

1971

Федор МАЛОВ

**ВИТЯЗЬ
СОЛОВЬИНОГО СЛОВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Федор МАЛОВ

ВИТЯЗЬ СОЛОВЬИНОГО СЛОВА

*Дорогому Константину Александровичу
всему Федору с покором и любовью
1971. Федоров*

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1971

Дорогой Константин Александрович!

Душевные диверсии - не перелом руки-ноги - гипсовой повязки не наложишь. И все-таки, утратив скудные остатки трезвомыслия, прошу об е т п у щ е н и и. Прошу, понятно, вне разумно, противологически, страждущее испытывая, вроде ножа в спину, непоправимую свою беду, случившуюся по вине шаманского шайтана. /Вне связи: только в самые последние - болезненные! - годы, годы нарастающего своего распада, тягостного разрушения до меня таки дошло, насколько Вы прозорливы, благоразумны, вручив свою воистину горячую страду-судьбину в броневой свивальник бабки провещуньи, то бишь, необычной нашей современности - потоку мировых, "земляных" сил. Не опоздай, и сам так поступил бы/.

Итак, взываю о немислимом, совсем не ожидая каких то ~~иллюзий~~ иллюгических курьезностей, кои в спешке не были заложены в нас, человек, еще самим первосоздателем - вселенским СКВ. Тараторю о шаманском единственно, чтобы очистить совесть перед отправкой то на последний заготпункт.

Но отчего однако-же шайтан, не ЭВМ? Да еще и столь коварно и несправедливо, вместо благодарностей из поколения в поколение? Вместо славословий и семейственных молебствий с колокольным, по окрест призывным благовестом?.. Думается, предовольно крепко думается, что куда как правильнее и яснее самого баскака охамевшего Вы осознаете сами, что при этом далеко не Гурьюшко пошумовал с Феклиньей. Что это было столкновение напо-

добие тунгусского метеорита каких то непоследовательно назревавших геологических эпох, ~~всплывающих~~ которые могли, которые должны столкнуться взрывчато, с неизбежным катаклизмом.

Для очищения совести? Да нет, какая уж там совесть, у вихрастого баскака! Речь идет о покаянии, амнистии, придерживаясь уж давно отжившей и все-таки присущей мне речевой структуры.

Впрочем, где не требуется повязки гипсовой, и ведомства кассации, и двери милосердия уже не отверзуются.

Известный Вам когда-то *Редмалов*

Неотвязные тревоги старости: в чем же неблагоприятные твои ошибки, почему не состоялась жизнь? На каких проселках, поворотах пошел и слукавил, какие перевалы преодолел слепцом и втуне?.. Вечные вопросы!..

Издали конечно обо всем теперь легко судить. Почему, допустим, из тебя не состоялся новый Менделеев от литературы или хотяб донской рубака Шолохов? Всяких причин уйма, а вот коренные — то помехи — мировоззренческие провалы и несоответствия. Для литературы о деревне советской нужно было денно-нощно рекрутировать, как тебе казалось, чисто синтетические ассоциации и схемы, нужно было изгрызая пуповину, перетряхивать весь внутренний свой обветшавший хлам. Как требовали того превыше всего чтимые тобой подлиповцы Пидла с Сысойкой, невероятно быстро ставшие "коммунистами", потом орденносцами, и решительно начавшие на дедовщину, на мирскую общину, неутолимое российское правдоискательство. Да и кстати их давно уж конструировали далеко не по Решетникову, писавшему, как вспоминал Тургенев, применительно к живой душе и трезвой правде. А перед новой сельской — то иконографией ты как раз и сдрейфил.

Не написал ты и "Лаптей" — с нажимом перегруженного лихами создания о былой деревне. Заброченная, с недоимками, с описями топоров и самоваров старая крестьянская деревня лаптейная лично для тебя — безоблачное детство, юность, то есть самое сияющее, что есть у каждого, самое не поддающееся пересмотру. Вспоминная незлобивую, во всем степенную деревню северную той поры, ты видишь сплошняком расщепленные лентами свадебные дуги, рыбные да хлебные подторжья и базары во всю длину морозного по-зимнему села. Слышишь покаянный, словно зов погостный, благовест по вековым березни-

кам. С тяжелыми иконами молебны в поле. О печатной нелегальщине, подпольщиках в деревне, помещичьих усадьбах разгромленных, каталажка и арестах "за политику" ты узнал впервые уже обладая постоянной городской пропиской. Когда годы стал отсчитывать за двадцать с хвостиком

Да и разве добровольно мог смириться дух выгорецкий! Как Алла, клянусь копытами кобылиц, он все время застилал твой, взор, все время за тобой тащился на закорках: "Ты — выгорецкий! От Закерженья!" Не обольщайся, от себя не отступай, перед плахой, перед бражной чаркой помни: в большинстве многотиражно обнародованное не только не поет в душе даже и самих создателей но говоря с оглядкой... несколько противоречит внутреннему оку, совести. К тому же преуспевающие писатели вроде бы житующие незаброднее нашего брата, живут однако не порядочнее, не честивей мелкотышки пишущей.

Когда то ты всерьез завидовал отшельникам, кормившим с рук медведей, пташек. И перед насквозь продранным умильным взором старца — персональный, загодя на все лады примерянный цельно-кражевой долбленный гроб. Закат есть закат, у него свои позывные. Да и столько прожито у выговца с тоской об этой умудренной и благообразной старости с запрограммированным усыханием корней, стеблей, листья, положенных рогульников цветочных. Вождельную ж свою кончину ты понимал как веселие вечное, как второе погружение купельное в преждеосвященный мир торжества, мир отпущенного на все века непоручимого покоя при всех буранах, грозах, турбулентных человеческих сумятицах, пожарах. И обидно, когда неизбежный карачун навевается к нам по-разному, без твердых расписаний, графиков. Для тебя — длинный нераспутанный клубок змеиных укушений, а для так называемых внезапников, счастливицев вроде ненаро- шшшш шшшш шшшш шшшшш

ком залетевшей бабочки. Протягивает, завтракая, под мурлычащий транзистор руку за стаканом с шоколадом — и...навсегда сникает смякшей каплей воска.

х х х

Нормальные люди живут — походя и пачками друзей наживают, а ты все время ломишься с бурлацкой лямкой по бечевнику, умножаешь для себя врагов. Всюду и вокруг живут как широкую масляницу жизнь справляют, набирают как в разгоне развеселое веселье песенное. И только для тебя отпущенная жизнь как радость бытия, как естественная черед отмерянный на долю человека удовольствий — безвинное мучительство, глумление. И только. Все дороги, все просторы, как и для всех, перед тобой открыты, а ты все безнадежнее становишься самосожженцем выговским перед прыжком в кострище. А тут еще недоля опостылевшая навалила заодно добавочную нону: с морозом по спине п у ж и и в о с т ь, от которой нет помощи ни от друга, ни от неотложки.

И откуда оно прёт такое? От гуменного овина, крепостного деда, Выгореции? Ведь из крепостных пеленок выпестовались миллионы твоих современников, для которых жизнь есть распрекрасный маков цвет с заполняющей весь весенней-красной в придачу. Избавиться от Выгореции для них, смотрю, гораздо легче, чем сменить пластинку на проигрывателе. И лишь тебе как будто на роду написано жить в неутраченном душевном непокое, нарастающей зоологической тревоге, опасениях.

Всю жизнь тебе мешало и мешает нерасчетливое умственное разгильдяйство, нерадивость к мыслям освежающим, мужиковское упрямство с крутой добавкой сараинской примеси. И наконец какое то староотецкое отвращение к завихлячеству, временному пустоцвету. Может быть, за это мужику в себе можно непотыдно поклониться.

х х х

Лев Толстой писал когда то о трех видах ста-

рости. Не припомню, а в какую то из них неожиданно совсем попал и ты. Попал, напервостях перед и утратив изрядно. А ведь старость, что перед вузом тот же курс пригготовительный. Курс благородный, с крепкой головой продуманный, освобождающий пригготовишку как при раздевании после бала. И все же несуразная судьбина до конца последовательна: тебе и с наступившей старостью не повезло. Все был на зависть хватким крючником в смысле подёнки — и вдруг скрутило: сразу поступил в расход. Но бывало чуточку-чуть отпустит — снова на двухсменке. А вот на этот раз — шабаш.

Клиническая справка трехгодичной давности: склероз сердца, головного мозга, общий атеросклероз, водянка, неисправности по уремии. И все в самой тяжелой форме. Сверх всего злодейская грудная жаба, ни прилечь, ни посидеть, каждый выдох-вдох с кинжальной болью. Ночные приступы удушья — с 23-х до 4-х утра! — иначе не назовешь — как дикость сатанинская! И оказывается столь чудовищны, столь вне разумны эти нагоняющие страх болевые мощности, резервы даже и в истерзанной твоей, давно уж омерзевшей плоти. Все ночи просиживаю на диване, задыхаясь, а бывает что меня уже и сидя душит. Встаю и, прислонившись к выступу диванной тумбы, простаиваю сколько-то в тяжелой полудреме. А долго ли удастся простоять на ногах ослабших!.. Задыхаясь, вопишь об одном: а ну, дай швартой скорей! Уж коль на то пошло, так понатужься, перепрыгивай скорее хилые — то скрепы естества так и так ведь неизбежная ты — неминуесть.

Карачун так карачун!..

А полувековой задел? А самое притягивающее, кристально отстоявшееся, проверенное строгим временем? Все, что откладывалось на старость благоденственную с регулярным пенсионом с закатными раздумьями, на закатной лавочке. Все, все отшло, отпало. Хватит.

Но где он, почему не обретается, белые халаты, изотопо-медицина, этот возделенный берег моря суеты? Это гарантийное для всех прибежище?

х х х

Смерть, как опаздывающий поезд, томит лишь ожиданием. И при этой тягостной, ничем не объясняемой задержке, полной опасений и тревоги, ты все дальше удаляешься ото всего, что у тебя осталось за перроном. Да и что она такое, на твои рамена взваленное непосильное бремя... без потех, без пугалицы, без улыбочная жизнь твоя? Да еще старость с болью от нательного белья, шнурков, носков, ботинок, с отвращением даже к книгам? Оглядываешься страшными бессонными ночами и позади — завалы без объездов, немерянные версты, надломы и прорухи, морев взбаламученное. Стихия, вне разумие, сарынь на кичку, зловеющая проклятость бытия и всеотверженность. Не поддавшийся ударам выговец, ты напоминаешь одряхлевшую и запаршивевшую кутьку, которую турнул хозяин за ненадобностью. Парашаешь, поскуливая, заложившую подворотню, чтобы попасть на обжитой двор свой. А у ворот заслон: извечность! Вместо отработавшей, пришла другая смена.

Вот тебе и знаменитость, мавританское палеццо мраморное с персональными фонтанами, как мнилось по наивности когда-то, вот тебе и всемирские славословия и почести, без дозировки отсыпаемые ото всех язык, наречий. Вот тебе и молодецкие масштабы горячечных заумствований. И все воскреляюще, все просто — как ржаной сноп связать... А теперь тебя охватывает ужас казематной одиночки, если бы средние то сроки человеческие применительно к твоей особе сколько удлинились.

Прикрыться наглухо землицей с заступа... мавританской, невзыскующей! Приемлющей и лядвиями смрадными не поберегоша!.. Самое простецкое, обыденное, как с мочалкой в баню. И чтобы яма обязательное с глухой, захрястанной скотом крапи-

вой. Да заедино и поближе к отстойным занавоженным полям, где тухлота, кефалий подобротнее. Жизнь не задалась, прошла не по-людскому, так и погребение приемлю выгорецкое, с самоистязанием. В утешенье посрамленной гордости, ничемного, обузочного свойства, от которого избавлены подсвинки, хищники, морские гады, смонтированные на одном и том же дьявольском конвейере дьявольски живучей твари. Вот тебе и весь вероучительный каркас твой выгорецкий; космобородый Савваобфьюшко, он тот же мыльный отлетающий пузырь, запущенный через соломинку.

х х х

Природа убирает мирской мусор вовремя и она же сохраняет лучших — не совсем уж точно-биогенов, всемерно им благоприятствуя. Я убежден, что старость Ваша не из легких, не с фестоичками да сплошными ладушками. Тягостей, мучительств тоже ведь хоть отбавляй. И все же я порадовался увидев Вас через телеэкран на вечере в честь Достоевского в Большом театре. С чувством сердечного удовольствия мы прослушали удивительную по свежести как мышления, так и слова, речь, отработанную как всегда по-федински. Благословен безоговорочный счастливец плывущий в мировом потоке в будущее, благословен боец, способный не сбавляя деятельности трудиться до последнего удара сердца, хотя бы в подавление старческих необратимостей... Все и шшш без толковников, без сносок ясно.

х х х

Стало быть, конфликт с эпохой? Да нет же, где уж там! Просто личные душевные диверсии сплошные, несметная рать карачунская. Что в том, что были Достоевский, Лев Толстой, решетниковские Пиды с Сысойкой! Все это на таком далеком, на таком ошалевшем отлёте, как и не столь уж инженерно выполненное сотворение библейское наших первых праотцев.

...Х...

Элементарная неграмотность моя Вам хорошо

известна. А вот недозволительные переносы —
очередная завируха старческая. Рухнет разум.
Не взыщите и за смысловые перекосы и повторы,
путаницу. Тут сказывается понемногу наступаю-
щая профессиональная забывчивость. И все-таки
прошу простить за главное: за те неблагоприятные
ассоциации, которые возникнут; ведь Вам то и
без них хранить душевный покой трудно.

х х х